

ЧАСТЬ I

§ 1. Древнейшие представления об устройстве и создании языка

Адамов язык

«Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...», — так повествует о начале языка книга Бытия (2:19–20). Чуть позже Адам дает имя своей жене, а потом и детям. Причем вначале дается имя «жена», поясняемое как «взятая от мужа (т. е. из его ребра), а затем уже «Ева», или «мать всех живущих», «жизнь», что указывает на способность женщины к деторождению.

Это — одно из первых имеющихся у нас свидетельств древнейшего представления о свойствах и происхождении языка. Как можно видеть, язык представлен здесь как вполне человеческое изобретение. От Бога Адам получает лишь способность к слову, а далее он распоряжается ею самостоятельно. Сам же язык Адама структурно представлен как собрание имен¹, соответственно, и его способность к речи выражена как способность именованья. В этом, надо сказать, отражено важное свойство человеческой речи: слова, в отличие от звуков, издаваемых животными, обладают *значениями*. Выражение эмоций, передача сигналов опасности или местонахож-

¹Имя в данном случае следует сопоставлять не столько с современной грамматической категорией, сколько с именованьем вообще.

дения корма, а также ряда других, доступны многим живым существам, но только человек способен создавать знаки, обладающие конкретными, закрепленными за ними значениями². Трудно представить себе язык, состоящий из одних имен; однако представить себе язык, вообще лишенный имен, пожалуй, и вовсе невозможно.

Кроме того, и по прошествии времен имя по-прежнему остается единственным элементом языка, с которым человек обращается достаточно свободно, по-прежнему, как и древний Адам, давая имена своим животным и детям. Согласно дальнейшему повествованию книги Бытия, Адамов язык оставался единственным на земле вплоть до Вавилонского столпотворения, т. е. строительства в Вавилоне огромной башни при Нимроде, внуке Хама.

Книга Бытия, таким образом, подразумевает моногенез языков, общим предком которых оказывается язык Адама. Очевидно, что представление о моногенезе языков тесно связано с соответствующим представлением о едином начале и самого человеческого рода. В основном, подобных взглядов придерживается и современная наука; впрочем, высказываются и предположения о существовании разных центров развития человечества и, соответственно, языков. Однако убедительных доказательств ни та, ни другая сторона представить не могут, хотя теория моногенеза все же представляется более вероятной, как пишет Вяч. Вс. Иванов³.

Очевидно, если бы было возможно реконструировать праязык, то исследование его устройства пролило бы немало света на общую природу грамматических закономерностей, однако удовлетворительных результатов на этом пути достигнуто не было. А если бы можно было восстановить грамматику этого языка, то она, вероятно, оказалась бы близка к искомой нами универсальной грамматике, ведь все прочие грамматические системы, очевидно, развились из первой. Нечто подобное как далекая, но желанная цель манило языковедов XIX века — периода расцвета сравнительного языкознания, но время не оправдало их надежд. Даже при нынешнем богатстве технических средств возможность получения более-менее достоверных результатов глоттогенеза простирается во времени срав-

²Это отмечает, сравнивая человеческую речь с сигналами животных, Ч. Ф. Хокетт: *Hockett Ch. F. The Problem of Universals in Language // Universals of Language. Cambridge, 1966. P. 10.*

³*Иванов Вяч. Вс. Моногенеза теория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 308–309.*

нительно недалеко от настоящего и даже близко не подходит к тем временам, когда, предположительно, существовал единый праязык.

Там, где наука бессильна, она, как это часто бывает, уступает место другим формам познания. Так, в частности, Адамов язык издавна притягивал к себе внимание любителей, как иногда пишут, «таинственного и непознанного». Лучше даже будет сказать, что поиск и исследование Адамова языка как раз и явились одним из начал, определившим, наряду с астрологией и некоторыми другими учениями, практически все основное содержание оккультных наук, сохраняющих, надо сказать, при известной произвольности своих доводов, относительное тематическое единство на всем протяжении своей истории. Одно время за язык Адама признавали древнееврейский язык; на этом, вкупе с другими слагаемыми, основано известное искусство Каббалы. Однако в Каббале и других оккультных учениях язык Адама получает новые, не прочитываемые в книге Бытия свойства.

Для сторонников этих взглядов язык Адама есть язык волшебный, магический. Произнесение имен на этом языке якобы обеспечивает произносящему власть над именованными предметами, заставляя мир вещей служить знатоку имен. Само исследование этого языка равнозначно, или даже более ценно, чем исследование внешнего мира, так как предполагается, что мир устроен именно в соответствии с данным языком. Очевидно, что источник такой интерпретации находится за рамками книги Бытия, где язык Адама представляется более прозаичным и прагматичным и менее магическим и волшебным.

Интересно, что проблема поиска первоязыка волновала уже древние цивилизации. Так, например, Геродот рассказывает о любопытном эксперименте фараона Псамметиха, который, будучи озабоченным установлением приоритетов древности народов, использовал для этого именно «лингвистический» подход: «...двух новорожденных мальчиков простого звания передал он пастуху на воспитание при стадах, причем сделал распоряжение, чтобы никто в присутствии детей не говорил ни одного слова, дабы они были предоставлены самим себе в уединенной хижине, и чтобы только пастух в определенные часы пригонял к младенцам коз, кормил бы их козьим молоком и делал все прочее, что понадобится. Все это было сделано и приказано Псамметихом из желания услышать, какое первое слово прорвется у детей после бессвязного младенческого

лепета. Так было и сделано. Когда после двух лет такого воспитания пастух открыл дверь и вошел в хижину, оба младенца припали к нему и, протягивая ручки, говорили: “бекос”... Услышал то же слово и сам Псамметих; тогда он стал разыскивать, какой народ и что называет словом “бекос”, и узнал, что так фригийяне называют хлеб. Только тогда, на основании такого свидетельства, египтяне допустили, чтобы фригийяне считались древнее их»⁴.

Любопытно, что понимание природы языка у Псамметиха в сущности было таким же, что и у автора книги Бытия: язык он считает человеческим произведением и подразумевает наличие моногенеза, имея в виду, что древнейший народ, от которого произошли прочие народы, должен говорить на древнейшем языке, дающем начало прочим языкам. Подобное представление отражено и в шумерской мифологии, да и в преданиях многих других народов. Схожих взглядов придерживается и современная глоттохронология, согласно данным которой разделение языков произошло около 10–20 тысяч лет назад.

Позднейшее развитие мысли поставило под сомнение два из основных свойств языка Адама — то, что он создан человеком, и его первоначальную единственность. В развитых системах политеизма создание языка приписывается соответствующим богам, ответственным за «культурную сферу»⁵; значительно позднее появляется и учение о множественности центров возникновения языка, известное нам, в частности, по сочинениям Демокрита и его последователей. Единственное, что долгое время не ставилось под сомнение, — это сама структура языка, представлявшегося в качестве совокупности имен.

Язык богов и язык людей

Надо сказать, что сам по себе обычный, бытовой язык все же мало привлекал внимание древних. По-видимому, проявление способности к разумной речи рассматривалось как нечто естественное и необходимое для человека (как это видно, например, из рассказа Геродота о Псамметихе). Иное дело — поэтическая речь и пение.

⁴ Геродот. История II, 2 (пер. И. М. Троицкого).

⁵ В греческой мифологии создание языка приписывалось Гермесу, в египетской — Тоту. В гимнах Ригведы появляется даже персонификация речи — вездесущая богиня Вач.

Здесь отсутствует непосредственный практический смысл, и воздействие поэтического слова тем более кажется замечательным.

Дар вещего, поэтического слова направляется избранным людям богами — либо непосредственно, либо при помощи какого-либо магического предмета, чаще всего — меда⁶ (что, разумеется, подчеркивает сладость поэзии), и придает его обладателю особую силу. Вот как рассказывает о получении этого дара Гесиод:

«Вырезав посох чудесный из пышно-зеленого лавра,
Мне его дали и дар мне божественных песен вдохнули.
Чтоб воспевал я в тех песнях, что было и что еще будет.
Племя блаженных богов величать мне они приказали,
Прежде ж и после всего — их самих воспевать непрестанно...»⁷

Вещее слово прежде всего является языком ритуальной поэзии. Не касающаяся повседневных дел, обращенная лишь к тому, «что было и что еще будет», речь поэта обладает чудесным воздействием на слушателя:

«...Блажен человек, если Музы
Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!
Если нежданное горе внезапно душой овладеет,
Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
Песню услышать служителя Муз, песнопевца о славных
Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился»⁸.

Слово поэта, как можно видеть, менее всего приложимо к делам повседневным и обычным («...не для корысти, не для битв...»), будучи предназначено прежде всего для прославления богов и других высоких предметов; язык этот понятен и приятен богам. В культурах, где большое значение имеет магическая практика, поэтической речи приписываются различные чудесные способности — вызывать и умирять бурю, дождь и ветер, заставлять расти и цвести деревья

⁶Так, при помощи меда германское божество Один получает дар песен, которым затем делится с меньшими богами и людьми. Пчелы же приносят поэтическое вдохновение Гомеру, Пиндару и Эсхилу.

⁷Теогония, 30–34 (пер. В. В. Вересаева).

⁸Там же, 96–103.

и травы, насылать и изгонять болезни, оживлять и убивать. Именно на этой магии слова, на этой вере (зачастую бессознательной) в силу вещего слова основываются не только заговоры различных целителей и ворожей, но, в том числе, и современные клятвы, присяги, проклятия и т. п. Между тем единственным формальным отличием поэтической речи от обыкновенной является, очевидно, ее ритмический характер, но формальные различия мало беспокоили древних поэтов, предпочитающих, как можно видеть, семантическое обоснование божественного дара.

Это различие языка поэтического и просторечивого является общим для многих народов, а у некоторых язык поэзии и песен даже получил наименование «праздничного», в отличие от обыденного, повседневного⁹, причем поэтическое вдохновение нередко отождествлялось также и с мудростью, с высшим знанием. Эту позицию выражал и Гесиод, как видно уже из первых строф «Теогонии».

По-видимому, с разделением поэтической и обыденной речи было связано и различие языка богов и языка людей, известное нам по текстам Гомера. «... Все это, конечно, нужно делать в стихотворной форме, так как это язык богов и божественных мужей, таких, как Архилох», — прямо отождествляя поэзию и язык богов, говорит философ-киник Эномай Гадарский¹⁰.

Чем же отличается язык богов от языка людей? Ответ, который мы находим в гомеровских поэмах, следующий: боги и люди называют вещи разными именами. Гомер приводит несколько таких имен, применявшихся богами, и все они относятся к тому классу, который позднее был обозначен как имя собственное:

«Ты на Олимпе многохолмый призвала сторукого в помощь,
Коему имя в богах Бриарей, Эгеон — в человеках»¹¹.

...

«Есть перед градом троянским великий курган и высокий,
В поле особенный, круглый равно и отсель и оттоле.
Смертные, с древних времен, нарицают его Ватиеей,
Но бессмертные боги — могилою быстрой Мирины».¹²

...

⁹См., напр.: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 1. С. 402.

¹⁰Против оракулов, 11 // Антология кинизма. М., 1984. С. 302.

¹¹Илиада, I, 402–403 (пер. Н. И. Гнедича).

¹²Там же.

«Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных —
Скамандром»¹³.

Это отчетливо обозначенное различие языка богов и языка людей не позволяет, как видно, полностью отождествить первый с поэзией. Возможно, что особенный язык богов есть лишь распространенная на олимпийских небожителей аналогия обыкновенного различия национальных языков. С другой стороны, как бы ни мыслилось это различие, оно не могло быть представлено Гомером иначе, чем через различие имен — ведь именно так, т. е. как совокупность имен, и представлялась в его времена структура языка.

Тайны имени

Итак, имя — вот, несомненно, первый элемент языка, который был выделен человеком. И немудрено, что именно с именем связано большинство обрядов и преданий, однако трудно себе представить нечто подобное в отношении других элементов речи. Имя как было, так и остается для человека *главным* словом — как во времена Адама, так и теперь.

Пожалуй, нет такого народа, у которого не было бы особого отношения к имени. Это отношение, как правило, предполагает наличие некой тайны, заключенной в имени, прежде всего — имени собственном. Отсюда проистекают многие связанные с именем ритуальные действия — скрывание подлинного имени, присвоение специальных ложных имен, увеличение числа имен и т. п., что основывается, как следует предположить, на вере в особую силу, которую дает как само имя, так и его знание.

Это представление, к примеру, составляет основу записанной братьями Grimm сказки «Румпельштильцхен»¹⁴ (№ 55), в которой дочь мельника может избавиться от власти злого существа не иначе, как узнав его замысловатое имя. Здесь, впрочем, в самом имени

¹³Там же, XX, 72–74. — Подобные же противопоставления мы находим, например, в хеттской ритуальной поэзии, в древнеирландских и древнеисландских текстах. См.: *Иванов Вяч. Вс.* Зачатки исследования языка у хеттов // История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980. С. 39.

¹⁴Kinder- und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. 7 Auflage. Göttingen, 1857.

Rumpelstilzchen (Rumpel — это хлам, барахло) заложена изрядная доля иронии, хотя и суть сказки, и весь ее сюжет построены как раз на особом, магическом отношении к имени. Ирония эта, по всей видимости, привнесена в сюжет уже относительно поздно, а более дикие по сравнению с немцами народы, придерживаясь тех же специфических взглядов на имя, весьма далеки от проявления какой бы то ни было иронии или юмора в отношении к именам.

Так, например, у населяющего Новую Гвинею племени папуасов маринд-аним, известных также как «охотники за головами», было распространено довольно необычное учение о конечном числе подлинных имен, дающих их обладателям необходимую силу. Эта жизненная сила, по мнению папуасов, содержалась в двух вещах: имени и голове. Поэтому при рождении новых членов племени снаряжалась специальная экспедиция за головами. Особенно важным считалось прежде отнять головы узнать имя жертвы, затем это имя давалось одному из новорожденных¹⁵. Так что охотники за головами были не в меньшей степени охотниками за именами. Пожалуй, это максимально натуралистический взгляд на природу имени, практически отождествляющий имя с душой.

У тех же папуасов особой тайной были окружены имена богов или же духов-покровителей, приписанных каждой значимой для их жизни вещи. В этом отношении система политеизма маринд-аним несколько напоминает римскую. «...Имена дем (так называют маринд-аним своих духов-покровителей. — *А. С.*), как и некоторые мифы, представляют собой тщательно оберегаемые тайны для всех, кто не принадлежит к соответствующему кругу мифологического родства. Дело доходит до того, что человек, выдавший имена дем, рискует за свою болтливость навлечь на себя кару — болезнь или смерть, которые насылаются колдовством... Я долго не мог понять этих странностей, — пишет исследователь маринд-аним П. Вирц, — но, видимо, подобная таинственность имеет под собой какие-то основания. Недаром островитяне, как правило, полагали, что меня интересуют лишь тайные имена... Вместо того, чтобы рассказать миф, который я хотел услышать, они шептали мне на ухо ряд имен и говорили: “Теперь ты знаешь то, про что меня спрашивал”. Это сопровождалось специальным требованием, чтобы я никому

¹⁵ *Неверман Г.* Сыны Дехевая // Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981. С. 216.

больше не выдавал услышанных имен. С другой стороны, когда я попадал в отдаленные деревни, тамошние жители первым делом расспрашивали меня про настоящие имена Луны, Солнца и т. д.»¹⁶ Как можно понять из изложенных Вирцем сведений, знание имени отождествляется папуасами со знанием самой вещи, и, конечно, особенное значение имеют имена богов; оба эти элемента следует признать общими для примитивных политеистических культур.

Интересно, что в мифологии маринд-аним мы находим и схожее с гомеровским учение о двойных именах: «...Каждый предмет, как правило, имеет еще и настоящее, действительное имя, так называемое “игиц-ха” (“игиц” — имя, “ха” — действительный, настоящий) или имя дэмы (“дема-игиц”), т. е. родоначальника, от которого произошел данный предмет. . . Действительное имя постоянно звучит в волшебных заклинаниях, когда нужно обратиться к дэме или назвать необходимый предмет. В обыденной речи, однако, его никогда не услышишь. Знающий имя дэмы, “игиц-ха”, имеет тем самым в своих руках ключ к волшебным заклинаниям; это одна из причин, почему его держат в секрете»¹⁷. Возможно, такой же смысл имели и приводимые Гомером имена Бриарея, Мирины и др.

Надо сказать, что недалеко от папуасов ушли представители оккультных наук, тщательнейшим образом вычисляющие имена духов стихий и металлов. Обыкновенно то, что приводится в подобных сочинениях в качестве имен духов, — либо древнееврейские имена, либо искаженные латинские и греческие, либо вовсе бессмысленные буквосочетания. Смысл же их аналогичен смыслу «игиц-ха» племени маринд-аним, а в основании их выделения и вычислений лежат те же самые принципы — отождествление знания имени со знанием вещи и представление о наличии подлинных имен.

Тем не менее, как бы ни относиться к разным причудливым представлениям, следует признать, что в имени есть своя тайна. Впрочем, эта тайна относится и ко всей человеческой речи — способность к разумному слову и по прошествии времен остается в значительной степени таинственной и непостижимой. Однако не стоит, разумеется, связывать это со звучанием каждого конкретного имени, т. к. здесь, конечно, много всего случайного и произвольного, за

¹⁶ Вирц П. Мифы папуасов маринд-аним // Там же. С. 26–27.

¹⁷ Там же. С. 27–28.

исключением лишь самой способности именованя, тайна которой, собственно говоря, и породила то, что мы называем «философией имени».

Другой, более поверхностной причиной проявления интереса к тайнам имен является значительная удаленность по времени их первообразцов. Очевидно, что в глубокой древности не могло быть имен со скрытым, неясным значением, но, напротив, все имена были значащи и понятны. В кратком пояснении нуждались, пожалуй, лишь личные имена, даваемые специально, — таковы, например, пояснения имен Евы, Каина, Авеля и др., приводимые в книге Бытия. Из этой традиции пояснения имен и родилось искусство этимологии, которую можно с полным правом назвать основой и началом всех прочих языковых исследований.

Первые исследования имен

То, что именно этимология оказалась первой открытой человеком процедурой анализа языка, конечно, далеко не случайно, ведь имя как раз и мыслилось в древности основной единицей языка, и всякое слово рассматривалось прежде всего как имя. Однако первые известные нам этимологии обладают еще одной особенностью — все они касаются только имен собственных. Этот факт также находит объяснение, причем в обычной человеческой практике. Ведь имя собственное — это единственный элемент языка, с которым человек может обращаться более-менее вольно, давая, к примеру, имена и прозвища детям, знакомым, животным, поселениям, постройкам, рекам, лесам и проч.

Что касается собственно этимологий, понимаемых как разыскания происхождения имен, то мы достаточно их находим во многих древних текстах. По-видимому, сама практика этимологизирования была вполне обычна для древних, как ныне она обычна для современных людей. В качестве примеров этимологии можно рассматривать приведенные выше пояснения имен из книги Бытия. Схожие изыскания находим в текстах Гомера и Гесиода: таковы приводимые Гомером этимологии имен Атэ (Илиада, XIX, 91), Алкионы (Илиада, IX, 561–564), Скиллы (Одиссея, XII, 85–87), самого Одиссея (Одиссея, XIX, 407) и др. Достаточно много этимологий имен богов приводит Гесиод в своей «Теогонии», где поясняются именование киклопов (142–145), различные имена Афродиты (195–200),

Пегаса, Хрисаора (282–283), Титанов (207) и др. При всей своей прозрачности и наглядности (особенно это касается этимологий Гесиода) эти исследования, тем не менее, характеризуют важный этап в осмыслении речи, составляя его необходимое начало, а сама идея поиска происхождения имен и по сей день не потеряла своего значения и привлекательности.

§ 2. Первая грамматика

Происхождение письма

Возникновение первой грамматики, или науки грамматики, непосредственно связано с появлением письменности. Грамматика в самом первом своем значении — это, собственно говоря, руководство по письму. Соответственно, в зависимости от того, какая именно система письма использовалась в той или иной культуре, различаются и первые грамматики. Принципиально различаются, скажем, идеографическая (логографическая), слоговая и алфавитная письменности; в то же время среди письменных систем одного типа достаточно много общего. Так, скажем, все современные европейские алфавитные системы, имея общим образцом древнегреческий алфавит, практически идентичны. Изобретением античной Греции мы пользуемся с некоторыми усовершенствованиями и по сей день; однако, для того чтобы появился первый алфавит, письменности пришлось пройти достаточно внушительный путь, растянувшийся на несколько тысячелетий.

Большинство современных исследователей сходятся во мнении, что первоначальным истоком письменности было так называемое рисуночное письмо¹⁸, и это наглядно видно на примере древнейших египетских, шумерских и китайских письмен. Однако грань, отделяющая собственно рисунок от письма, достаточно зыбка, и зачастую вопрос о том, что именно изображает тот или иной рисунок — собственно вещь (тогда это просто рисунок) или же слово (тогда это уже письмо), удовлетворительно решить невозможно. Как именно произошел этот гипотетический переход от рисунков

¹⁸См.: Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М., 1982; Дирингер Д. Алфавит. М., 1963; Волков А. А. Грамматология. М., 1982, и др.